

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 80 (4046)

Суббота, 27 июня 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС

Пленум ЦК КПСС продолжает свою работу. 25 июня на вечернем заседании выступили товарищи: А. И. Хворостухин (секретарь Тульского обкома КПСС), А. М. Тарасов (председатель Белорусского совнархоза), В. В. Гришин (председатель ВЦСПС), Д. А. Кунаев (председатель Совета Министров Казахской ССР), Ш. Р. Рашидов (секретарь ЦК Компартии Узбекистана), И. Т. Новиков (министр строительства электростанций), В. Э. Дымшиц (член Госплана СССР), Г. М. Орлов (зам. председателя Госплана РСФСР), К. И. Брехов (председатель Московского областного совнархоза).

С утра, 26 июня, на Пленуме продолжалось обсуждение докладов. С речами выступили П. М. Мельник (директор Института автоматки Госплана Украинской ССР), А. Г. Солдатов (председатель Пермского совнархоза), В. А. Кучеренко (председатель Госстроя СССР), А. С. Соболев (директор Глуховского хлопчатобумажного комбината—Московская область), Н. В. Лаптев (первый секретарь Челябинского обкома КПСС), А. Т. Шмарев (председатель Татарского совнархоза), И. В. Спиридонов (секретарь Ленинградского обкома КПСС), М. Т. Ефремов (первый секретарь Куйбышевского обкома КПСС), Г. И. Чоговалдзе (председатель Грузинского совнархоза), К. М. Симмаков (председатель совнархоза Восточно-Казахстанского экономического района).

Уральский характер

Дни наполнены до бровей новостями семилетия. Начал свою работу Пленум Центрального Комитета КПСС. Газеты полны сообщений об обязательствах трудящихся Свердловского экономического административного района, одобренных в постановлении Центрального Комитета партии, о ходе их выполнения. Сам факт появления обязательств кажется мне замечательным: в нем не только высокая политическая сознательность — техническая зрелость наших рабочих и инженеров.

Нина ПОПОВА

участники парада, глядя на поверженные фашистские знамена.

Как стремительно наше время! Невольно вспоминаешь прошлое, незабываемые годы первых великих перемен, когда Свердловск, Нижний Тагил и другие города нашей области широко шагнули за прежние свои границы, когда выросли на уральской земле заводы-гиганты...

Помню дружные субботники тех лет: тяжелые носилки, лопаты, черенки которых были отполированы руками до блеска, был с которым распевали песню:

На дальних границах горят в тишине Красноармейские звезды...
Нужен металл Советской стране,
Как хлеб! Как вода! Как воздух!

Листаю старые блокноты...
Вот записи о реконструкции Высокогорского рудника. И тут во весь свой могучий (в буквальном и переносном смысле) рост — ударник, рабкор Григорий Быков, начинающий писатель, рассказы которого одобрил А. М. Горький. Если бы Гришу не убил классовые враги, он сейчас работал бы в литературном отряде Урала...

Вот другой блокнот, заполненный во время поездки в Кушву и на Уралмезлестрой.

Оглядываясь с глубокой благодарностью думаю о партии, которая планомерно и мудро подготовила народ к выполнению величественных планов. Почву для нынешних первооткрывателей — грамотных, культурных тружеников, с широким техническим кругозором — создало развитие советской науки и техники. Социалистическая действительность сформировала характеры этих людей. Вот К. Я. Маслий, уральмашевский зуборез, инициатор составления «комплексного плана», позволившего ему в прошлом году выполнить четыре с половиной годовых нормы, а план 1959 года завершить в половине марта.

Кто он, этот богатырь?
Скромный, решительный человек с пытливым взглядом темных глаз. Прекрасный семьянин, прекрасный товарищ. О своих чувствах распространяться не любит.

В сорок пятом почастливилось, — участвовал в параде Победы. Находясь в танке. Танки шли по четыре в ряду. В наблюдательный прибор я видел трибуны, мазельки...

Словно бледный свет падает на лицо Маслия, и ты угадываешь недосказанное — ту гордую радость, которую испытали

«СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ — ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

Государственное издательство политической литературы выпустило в свет речь Н. С. Хрущева на III Всесоюзном съезде писателей 22 мая 1959 года. Брошюра «Служение народу — высокое призвание советских писателей» издана массовым тиражом.

И вот через пятнадцать лет мы перелистаем страницы этого удивительного человеческого документа.

Впервые же дни оккупации Ромка пишет: «Если немцы откроют школы, интересно, как это я буду изучать закон божий и доказывать, что мир сотворен за шесть дней, а человек сделан из глины, а бог «вдул» в него жизнь».

Другая запись:
«13 июля 1941 года. Утром отправился в город. Ушел к Ф. Вместе пошли к Лембергам. У них еще царит переполюх после недавних переговоров. Потом Ф. пошла к нам. Взяла несколько роз, но не осталась сидеть, ее не хотят выпустить из дому. Ко мне она ходила «влетательно». Некоторые мои «товарищи» удивляются, что я хожу по улице с еврейкой. Теперь уж я по-

знаю, кто мне товарищ, а кто «товарищ». Пускай удивляются и смеются, это свидетельствует только об их глупости...»

Дневник обстоятельно рассказывает о событиях в городе, передает подробности боевых действий на фронтах, которые автор с великим трудом черпает из «официальной» оккупантской прессы и подвергает уничтожающему анализу.

«30—31 июля 1941 года. Был сегодня в Шенетине, там слышал взрывы. По-видимому, бомбили Дубно. По дороге в Шенетин насчитал 10 танкеток и танков. Один совершил сгоревший. На полках стоит масса орудий.

Это было на реке, купался. В той стороне тоже много немецких танков. Все они в плачевном виде. Об этом позаботилось местное население.

Если бы хоть какие-нибудь сообщения с фронта!.. Тяжело жить на этом свете, несмотря на то, что немцы заботятся о нас, стараются облегчить жизнь посредством обложения самого тела! Вот изречение, достойное моего величия!

Сегодня у меня была печальная встреча: приходил новый учетчик электроэнергии; им оказался... наш химик...

23 августа 1941 года. Сегодня к нам пришла женщина из «Восточной Украины» (так в пору оккупации называли Советскую Украину. — Прим. ред.). Она, по-видимому, не успела уехать отсюда и теперь нигде не может устроиться на работу. Ей всюду тычут ее русскую национальность... Она удивляется: «Выдумают какое-то разделение нации!... Это советское, обруганное советское воспитание. Она не может себе представить, что могут быть какие-то различия между национальностями, чтобы все они не были равны. И еще: «Вот в Советском Союзе все могут работать, даже должники...» В этом проявлялась нотка тоски. Но все покрывала гордость, Ругательств, мол, сколько хотите, а все же я предпочитую Советский Союз... Она молодец!»

Кременец стал глубоким тылом фашистской армии. Вот что записано в дневнике в ту темную пору: «Сегодня вывешен новый приказ — сдать все ра-

диопараты, в случае неисполнения — смертная казнь. Срок — до 10-го числа... И второй приказ. Сдать до 10-го все оружие и все военные материалы. В случае неисполнения — смерть... Эх, черт возьми. А у меня на карандаше наконец из винтовочной гильзы. Придется запустеть, а то расстреляют невинную душу». А через несколько дней: «Вчера достал и приволок три тома «Нагитала» Маркса. А сегодня приказано сдать все советские книги политического характера. Дудки!»

«30 октября 1941 года. Интересно, как сильно повлияло советское воспитание на детей за эти два года. Несколько дней назад одна наша знакомая — у нее сынишка ходит в четвертый класс — рассказала. Возвращается мальчишка домой, и мать его спрашивает, что было в школе.

— Да на первом уроке нам сказки рассказывали.

— Кто?

— Батюшка.

Бедный батюшка.

16 марта 1942 года. Сегодня немного предположений о делах на фронте. Высказываю их на основании как будто ничего не значащих слов из газетки: «На запад от Курска разбито 10 советских дивизий». Дело в том, что во всех предыдущих газетках, если была речь о Курске, то говорилось о десятиках и сотнях советских дивизий, разбитых на восток от Курска. А теперь — на запад! Ясно? По-моему, все ясно. Заключение: на Центральном фронте происходит успешное наступление советских частей. Вот! И несколько позже: «Сегодня на большой высоте, за туманом шел самолет. Он блеснул только раз на солнце, и мое сердце подпрыгнуло. Он блеснул серебром! Немецкие самолеты все окрашены в темные цвета, этот был серебристый — значит, советский, свой!»

Зоркими мальчишескими глазами присматривается Ромка ко всему окружающему, он старательно изучает немецкий язык, чтобы легче было «вжиться» из фашистских газет сведения о положении на фронтах, он составляет самодельную карту и с величайшим старанием наносит на нее военную обстановку, он записывает все

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был стойким патриотом.

«29 июня 1942 года. Во вчерашней газете появилось объявление о регистрации велосипедов. Наш народ, благодаря дружественному отношению любознательных властей, настроен очень благоприятно ко всяким регистрациям. Поэтому велосипеды явились на регистрационный пункт, если можно так выразиться, в костюме Адама. Идет дядя, в одной руке несет велосипед, другой — на втором колесе раму катит. — в сумме это, конечно, велосипед, но ехать на нем трудно. На пункте владельцам велосипедов выдавались бумажки, с получением которых они могли возвратиться домой налегке. Это называется управлением, построенным на доверии к народу...»

Однажды позная силу слова «товарищ» Ромка сохранил нежную привязанность к этому гордому понятию. Он помнит это слово, оно дорого

ему, дороже всех других слов. «Позавчера ночью на очень большой высоте над городом пролетела эскадра советских самолетов. Они летели, по-видимому, на Львов, так как часа через полтора возвратились обратным курсом. Как это подымает настроение! Думаешь, вот там, в нескольких километрах над тобой, летят свободные советские люди, которые не чувствуют на себе «германских оков». Они через пару часов будут у себя дома, где могут носить свою форму, обращаться друг к другу: товарищи!...»

«Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать отчета в моих чувствах. Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен... Ф. была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя с гордо поднятой головой, это было полчаса тому назад, в шесть часов тридцать пять минут 19 августа 1942 года. — Я уверен, что и умирая она не опустит головы. Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу!...»

Пересказать весь дневник Ромки невозможно — он занимает две объемистые тетради, исписанные убогим почерком. Юноше не удалось связаться с подпольщиками, он не сумел примкнуть к партизанам, он с величайшим трудом соорудил радиоприемник и только урывками слушал голос Родины, и все же он был

ЧТО ЗАБОТИТ АМЕРИКАНЦЕВ

Цены растут... ♦ Налоги и снова налоги... ♦ Как свести концы с концами

Интервью «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт»

Журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт» взял очередное интервью. Обычно он публикует беседы с премьер-министрами, монархами, бывшими и настоящими, генералами и другими важными людьми мира. На сей раз журнал изменил свою практику. Он расслышал своих сотрудников по всей Америке, где они беседовали с людьми различных профессий, разного достатка, из разных слоев общества. Что же побудило этот реакционный журнал, состоящий на службе у крупных монополий, обратиться к простым смертным? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте откроем страницы журнала. Вот что он пишет:

«...Поговорите с людьми — хотя бы с супружеской четой, живущей в соседнем квартале, — и вы обнаружите, что весной 1959 года с американским образом жизни происходит нечто серьезное. Люди во все возрастающей степени озабочены своими собственными, личными делами: налогами, долгами, как свести концы с концами, что произойдет, если жене придется уйти с работы, как воспитывать детей, что делать с престарелыми родителями.

Фермеры недовольны ценами на свиней, дороговизной сельскохозяйственных машин. Мелкие предприниматели выражают опасение, что они обременены на выматывание, рады их редеть, многие мелкие бизнесмены продают свои предприятия крупным компаниям.

Выяснилось, что налоги повсюду являются самым большим вопросом. Местные налоги и налоги штатов, кажется, раздражают американцев в бóльшей степени, чем федеральный подоходный налог. Житель небольшого городка в штате Айова выразил широко распространенное мнение: «Хотел бы я увидеть человека, который, баллотировавшись на какую-нибудь должность, — все равно какую, — выдвинул бы в качестве предвыборной платформы зарок не повышать налоги ни на один цент».

На вопрос, что является вашей основной заботой, опрошенные один за другим отвечали: «Деньги» или «Как свести концы с концами».

Эта забота гнетет людей любого достатка, любой профессии, любого возраста.

Молодой инженер, имеющий хорошую работу в городе Сидар-Рапидс, штат Айова, выразил общее для многих недовольство своим положением: «Когда я получил эту работу, я решил, что теперь мое дело в шляпе. Но, поверьте мне, моя покупательная способность куда ниже той, на которую я рассчитывал...»

Шофер такси из Сан-Франциско Джон П. Уилер заявил: «Все дорожает. Если и получишь прибавку, то вскоре повышаются квартирная плата, цены на продукты питания и на все прочее, так что на поверку выходит, что твой достаток ничуть не увеличивается».

Фред Ститсингер, торговец бакалеяными товарами из города Гамилтон, штат Огайо, говорил о бедственном положении многих людей пожилого возраста: «Они пострадали больше всех. Им приходится действительно туго. Пенсии увеличиваются очень незначительно. То же самое можно сказать о пожертвованиях в помощь престарелым. А ведь стоимость жизни все растет и растет...»

Фред Ститсингер: «Стоимость жизни все растет и растет». Фото из журнала «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт»

С. К. Слеймейкер: «Налоги приводят людей в иступление». Фото из журнала «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт»

Для многих постоянным источником беспокойства является растущая стоимость медицинского обслуживания. Оливер Х. Энтис, аптекарь из Ланкастера, штат Пенсильвания, высказал свое компетентное мнение по этому вопросу:

«Я слышу много жалоб по поводу цен на лекарства. И не удивительно. У одного моего друга был анджкардит, и ему пришлось провести 21 день в больнице. С него взяли 684 доллара за один лишь лекарства. Получить такой счет — ведь это настоящий удар! Теперь крохотный пузырек ушных капель стоит 3 доллара 75 центов. Эти новые лекарства сплошь и рядом ставят людей на ноги. Но стоят они уйма денег».

На то, что рост заработной платы отстает от роста стоимости жизни, жаловались многие.

Молодой парикмахер из Айовы рассказал, что его жена работает, а за детьми присматривает мать жены. «Ей-богу, ума не приложу, как мы будем оплачивать счета, когда жена потеряет работу», — говорил он.

Резкое увеличение местных налогов и налогов штатов можно уподобить витанию соли в язве налогоплательщиков. Среди людей, опрошенных репортерами, было мало таких, кто не жаловался бы на налоги.

В Массачусетсе жалуются на «двойное налогообложение». Вот что говорит клерк из отеля: «Людей это прямо-таки бесит. В довершение всего в этом году были введены вычеты. Таким образом, люди должны выплачивать налоги за прошлый год и в то же время страдать от этих вычетов...»

Н АСТОЯЩУЮ сенсацию — удивительный репортаж — создала американская журналистка Элен Уотерхауз, побывавшая не так давно в Венгрии. Мисс Уотерхауз посетила Лайошмароме и не пожалела ни расходов, ни трудов, чтобы отыскать там местных жителей, еще до первой мировой войны эмигрировавших в Америку. Описание жизни американских венгров в Акроне, а затем здесь, в Лайошмароме, и стало заголовком. Американская журналистка, вернувшись к себе в Акрон, опубликовала свой репортаж в местной газете «Акрон инжир».

Мы решили совершить поездку по следам нашего американского «коллегия», тем более, что, вопреки обаянию западных журналистов, она опубликовала имена тех, с кем беседовала в Лайошмароме. В Акроне до сих пор живут многие, кто лично помнит «американских венгров». Представьте себе, как кто-нибудь из преуспевающих ак-

Старший рабочий одной авторемонтной мастерской в Пенсильвании заявил: «Каждый политик, метящий на государственную должность, обещает снизить налоги, и каждый политик, занявший облюбованную должность, увеличивает налоги».

Парикмахер в небольшом городе в Пенсильвании высказался следующим образом: «Было бы меньше недовольства, если бы налоги взымались по справедливости. Под этот новый налог с оборота не попадают спиртные напитки, а с молока налог взимается. Куда это годится?»

С. К. Слеймейкер, мелкий предприниматель из Ланкастера, штат Пенсильвания, вторит ему: «Налоги приводят людей в иступление. Не только меня. Каждого... Налоги облагают все: и те, кто живет в Ланкастере, и те, кто живет в каком-либо другом районе».

Продавец сельскохозяйственных машин из Айовы сообщил: «В этом году, несмотря на то, что мой капитал увеличился, я плачу налогов на 500 долларов больше, чем в прошлом».

Торговец ценными бумагами из Калифорнии с тяжелым вздохом поведал: «Что меня беспокоит? Налоги! С тех пор, как я девять лет тому назад поселился в собственном доме под Сан-Франциско, налоги, взимаемые с меня, ежемесячно увеличиваются на 56 долларов. Будет ли мне по карману жизнь здесь после того, как я уйду на покой?»

Управляющий одним предприятием в городе Хибинге, штат Миннесота, расположенном у месабийского месторождения железной руды, предсказывал: «Если налоги и впредь будут расти, то не останется ни одного действующего рудника. Эта отрасль горно-

добывающей промышленности перенесет свои операции на Лабрадор или в Квебек. Налоги не должны вызывать бегства промышленности из штата. Мы идем навстречу таким же неурядицам, как в Минчестере».

В жалобах на высокие налоги снова и снова проскальзывала одна и та же нота: сознание, что росту налогов не предвидится конца.

По мнению Уильяма Дуайта, издателя холмской газеты «Дейли Транскрипт», дальнейшее увеличение налогообложения представляет неизбежность. «Финансовое положение нашего штата ужасное», — сказал г-н Дуайт.

В соседнем с Массачусетсом штате Вермонт редактор издающейся в городе Ратленде газеты «Геральд» охарактеризовал создавшееся там положение следующим образом: «Готов держаться пари, что наши предки, бережливые вермонтцы, перевертываются сейчас в гроб, казначейство штата испытывает дефицит. Для покрытия затрат на дорожное строительство законодательные органы штата выпустили и разместили большое количество облигаций, не обеспечив соответствием возможностей для предстоящего покрытия этого долга...»

Приведенные нами выдержки из статьи-интервью показывают, что в различных слоях населения США растет недовольство нынешним экономическим положением. Мимо этого не может пройти даже «Юнайтед Стейтс Ньюс». Вот почему ему пришлось обратиться к рядовым американцам. Приведенные выдержки говорят о тоскоте, возмущении на плечи народа политической «с позиции силы» и «холодной войны».

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ...

«АМЕРИКЭН МЕРКЮРИ»

В СВОЕМ РЕПЕРТУАРЕ

ПРИ ЖЕЛАНИИ и злонравности все можно оклеветать, опорочить, ложно истолковать. Именно этим и занимается журнал «Америкэн меркюри», когда речь заходит о Советском Союзе. Четвертого апреля мы рассказали о том, как журнал выступил против культурного обмена между СССР и США, горячо одобренного народами обеих стран. В майском номере «Америкэн меркюри» некий Юджин Кэстл продолжает начатый журналом поход.

Кэстл предостерегает соотечественников об опасности обмена фильмами с Советским Союзом и о мрачных последствиях предстоящей советской выставки в Нью-Йорке. «Америкэн меркюри» продолжает свой поход.

Кэстл предостерегает соотечественников об опасности обмена фильмами с Советским Союзом и о мрачных последствиях предстоящей советской выставки в Нью-Йорке. «Америкэн меркюри» продолжает свой поход.

Кэстл предостерегает соотечественников об опасности обмена фильмами с Советским Союзом и о мрачных последствиях предстоящей советской выставки в Нью-Йорке. «Америкэн меркюри» продолжает свой поход.

сто потратило более 1500 миллионов долларов на пропаганду «холодной войны», направленной в первую очередь на то, чтобы пресечь распространение коммунизма. А чего мы достигли в результате этих огромных затрат? Такой острой непопулярности, что во многих частях Европы и Азии и даже нашего собственного полушария термин «америкэн меркюри» стал синонимом презрения и плохо замаскированной ненависти.

Может быть, «Америкэн меркюри» против «холодной войны»? Ничуть не было. Журнал хочет, чтобы она была и более холодной, и более воинственной, а правительство США, с его точки зрения, недостаточно рьяно и ретиво действует в этом плане.

Почему же мы провалились в области пропаганды? — грозно вопрошает Кэстл и «разъясняет»: дескать, «мы доверили нашу пропаганду самым неудачливым и мегаломанским людям... Их переубедили, обманули и обкрутили представители безбожной России. Разительный пример этого — так называемое «соглашение о культурном обмене».

Журнал мечет громы и молнии по поводу предстоящей советской выставки в Нью-Йорке. «В этом отношении программа соглашения о культурном обмене...

«Соглашение о культурном обмене»

Мне не только смехотворна, но и опасна. Тех, кто выдумал такой грандиозный американский дар на благо всемирной советской пропаганды, следовало бы направить к психиатру». Тот факт, что в Москве будет устроена американская выставка, журнал отвечает, а вот то, что «правительство США разрешило Советам организовать грандиозную красную выставку в центре Нью-Йорка», — этим он возмущен. Как же? «Советы привезут те промышленные и научные экспонаты, которые были показаны в Брюсселе, включая огромный ракетный спутник». Кэстл не хочет, чтобы американцы все это увидели.

Напрасно «Америкэн меркюри» боится «победы», когда представляется одного народа завоевывают сердца других народов: Ван Клиберна завоевал сердца многих советских людей, но никому у нас не пришлось в голову, что это «опасная» для СССР победа! Мистер Кэстл упоминал в своей статье о психиатре. Вот кому-кому, а ему-то следовало бы срочно проконсультироваться...

ВРАГ ТАНЦА, ДРУГ ШНАПСА...

Последняя акция министра заведующего аденауэрским полуофициозом «Франкфуртер альцемайне цейтунг», как сообщает газета, «министр внутренних дел Беннеманн апеллировал... к нижесаксонскому земельному союзу владельцев овец и тракторов, а также к спортивному союзу, предлагая позаботиться о том, чтобы «День германского единства» 17 июня сохранил свой серьезный характер.

Западногерманские реваншисты все еще носят траур по фашистскому путчу, с треском провалившемуся в Берлине шесть лет назад. Так как воспоминания об этой вылазке вызывают тошноту у миролюбивых немцев ФРГ, то западногерманские беннеман-ны теперь преподносят 17 июня в качестве «Дня германского единства» (17).

«По нижесаксонскому закону о праздниках, — продолжает газета «Франкфуртер альцемайне цейтунг», — в этот день (то есть 17 июня) запрещены танцевальные вечера, а также все, что в питейных заведениях выходит за рамки торговли спиртными напитками и закусками».

Итак, бутылка шнапса — вот та политическая ось, вокруг которой Беннеманн разрешает вертеться колесу германской истории. Правда, министр пока вынужден ограничиться рамками одного дня и масштабы Нижней Саксонии.

Но ведь и Фюрер когда-то начал карьеру с однодневного «пивоного путча» в Мюнхене.

Итак, бутылка шнапса — вот та политическая ось, вокруг которой Беннеманн разрешает вертеться колесу германской истории. Правда, министр пока вынужден ограничиться рамками одного дня и масштабы Нижней Саксонии.

Но ведь и Фюрер когда-то начал карьеру с однодневного «пивоного путча» в Мюнхене.

Итак, бутылка шнапса — вот та политическая ось, вокруг которой Беннеманн разрешает вертеться колесу германской истории.

Правда, министр пока вынужден ограничиться рамками одного дня и масштабы Нижней Саксонии.

Но ведь и Фюрер когда-то начал карьеру с однодневного «пивоного путча» в Мюнхене.

Утка из гнезда Уотерхауз мисс

Будущая газета «Ненсбадш» послала по следам венгерских репортажей американца Э. Э. Уотерхауз и других западных журналистов своих корреспондентов. Ниже мы публикуем в несколько сокращенном виде один из очерков сотрудников «Ненсбадша».

ронцев разворачивает утром свежую газету и вдруг находит в ней имя того, кто был его слугой двадцать лет назад, а теперь поет хвалебные гимны своей прежней жизни в Акроне, проклиная «нужду, царящую в Венгрии».

Американская журналистка, как мы узнаем из ее репортажа, в первую очередь навела в Лайошмароме семью Михая Мейдлингера. «Когда Михай Мейдлингер вернулся на родину из Акрона и купил землю, то стал зажиточным хозяином. Ну, а теперь? Теперь у него не хватает денег даже на ремонт жилья, все уходит на налоги. Поэтому дом его находится в плачевном состоянии. Две коровы и лошади не имеют корма. Все это делается для того, чтобы принудить его вступить в колхоз. С сожалением вспоминаю он свою жизнь в Акроне, когда его молодость гармонировала с окружающим прекрасным миром... Трудно представить себе, что этот состарившийся от непосильной работы земледелец, когда-то юный, полный радости, катался в Акроне на лодке, ездил в автомобиле, совершал экскурсии...» — так пишет Элен Уотерхауз в репортаже.

Прежде всего направляемся в местный сельский Совет, чтобы справиться об адресах Михая Мейдлингера и других. Задаем вопрос: сколько земли было у Мейдлингера до освобождения?

— До вступления в кооператив у него было семнадцать гектаров, — отвечает Ференц Ковач, председатель Совета.

— А как он живет сейчас, нуждается?

— Да что вы, посмотрите на его дом, на обстановку... И кладовые ломятся от вина, колбас, сала... Был хорошим хозяином, таким и остался.

Дом Мейдлингера что-то сильно изменился с тех пор, как здесь побывала американская журналистка. Новый, добротный дом дышит благополучием. Вокруг — тенистые хорошие постройки: хлев, сарай, обвитая виноградом беседка. Навстречу выходит пожилой, но живой и подвижный человек. Он приглашает зайти в летнюю кухню.

— Дома идет уборка, — извиняется Михай Мейдлингер.

Сколько вам лет, дядя Мейдлингер?

— Семьдесят...
— Вы удивлены: он поджиген и быстр. Была у вас в сентябре одна американская журналистка?

— Здесь? Нет, сюда она не приходила. Я встретился с ней у остановки автобуса, там и разговаривали.

— Значит, вашего дома она не видела?

— Вот этого? — показывает он на потолок. — А как же она могла его видеть, когда отсюда до автобусной остановки с километром?

— А вот она пишет, что у вас денег на ремонт дома нет и он вот-вот развалится...

— Наверно, — просто и спокойно отвечает дядя Мейдлингер с уверенностью бывшего человека.

— Почему вы эмигрировали в Америку?

— Скажу вам только, что мы собираемся купить старый трактор... И кредита не просили, сами собрали деньги, из своих карманов... Об этом чертова журналистка, конечно, не пишет.

Так говорят «американские венгры», у которых, по словам Элен Уотерхауз, нашлись для нее лишь один жалобный. Минная нитка этих людей стала сенсацией ее репортажа. Неважная сенсация...

Иштван ПИНТЕР, Ласло САВО, венгерские журналисты

Рис. И. Фолькенберга. БУДАПЕШТ

АНДЕРСЕН НЕКСЕ В САМАРЕ

К 90-летию со дня рождения писателя

НАШ ДРУГ

СЕВЕРНЫЙ добрый орел! Так всегда хотелось воскликнуть, когда Мартин Андерсен Нексе подымался на трибуну и говорил строго и честно, с воодушевлением и страстью о том, что надо отстаивать мир, что надо не страшиться никаких препятствий, никаких врагов. Он своей деятельностью и жизнью доказал свое бесстрашие. Он вынул его своим близким друзьям. Он мог говорить с народом как человек народа. Мы, советские люди, носили имя Андерсена Нексе в своем сердце. Я рад и горд, что знал его, виделся с ним много раз, говорил о жизни и литературе, о войне и мире. Он был неповторим. Его ярость против фашизма, его ненависть к насилию, которому фашисты подвергли его родину, трудолюбивую, мирную Данию, были понятны советским людям, испытывавшим на себе всю злобу и мстительность гитлеровцев.

В свои книги он вложил всю любовь к людям своего большого сердца. Как он любил и понимал человека труда, создателя и творца! Поэтому ему нравился Советский Союз, советский человек — своей страстью к прогрессу и счастью для всех. Я навсегда запомнил обаятельный облик нашего друга. И стоит мне закрыть глаза, как я вижу его большую, широкоплечую фигуру, его лицо с легкой улыбкой, его глаза морского орла, вглядывающегося в широкие дали мира, в них бегают острые огоньки, которые могут превратиться в пламя гнева и могут засверкать добродушным смехом. Мощный человек, добрая душа! — говорили про него. И то, и другое справедливо. В нем жила Дания, страна, где так любят мир и труд.

И он любил ее любовью верного сына, патриота, писателя. Но он любил и большой мир, в котором он боролся за мир и труд для каждого человека. И в этой борьбе, длившейся всю жизнь, он победил. Вот почему я люблю его, нашего старшего, чудесного друга, замечательного, доброго северного орла!

Николай ТИХОНОВ

В 1921 году черные суеверия опустошили и Поволжье. Среди зарубежных деятелей культуры и рабочего движения, разворачивавших кампанию помощи голодающим Поволжья, был и Андерсен Нексе. Он шестнадцать лет одним из детских домов Самары. 65 детей-сирот содержал на его гонорар за книги и статьи, печатавшиеся в России. Писатель посылал в Самару многочисленные посылки с продуктами, теплой одеждой, дружеские письма.

В декабре 1922 года Нексе приехал к своим юным друзьям. На сессии Самарского городского Совета его избрали почетным членом горсовета.

— Вы избрали в свой городской Совет не иностранца, а сына русской революции, нашей общей Родины, — заявил Нексе в ответном слове.

Несмотря на очень короткий срок пребывания в Самаре, писатель принимал активное участие в жизни города, встречался с десятками людей, выступал с речами, написал несколько статей для местных газет.

Сердечная связь Андерсена Нексе с самарцами не прерывалась и впоследствии, о чем свидетельствуют сохранившиеся его письма. О связях Нексе с Самарой рассказал читателям куйбышевский журналист Ф. Попов, чьи разрывки опубликованы в местной печати.

Как заявил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» председатель Куйбышевского горсовета О. Ковалев, сейчас рассматривается вопрос об увековечении памяти писателя в городе Куйбышеве. На здании общепитовых предприятий, где раньше находился детский дом, предложено установить мемориальную доску.

На снимке: Мартин Андерсен Нексе с женой. Снимок был прислан писателем воспитанникам самарского детского дома. г. КУЙБЫШЕВ. (Наш корресп.)

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литературный народо-

Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8 59-17, информации — К 4 08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Б-02159